ГЛАВА I.

УДК 81'44

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
РЕЧЕВЫХ АКТОВ ОСКОРБЛЕНИЯ (ПО РАЗНЫМ КАТЕГОРИЯМ ДЕЛ)**

Карамова Айгуль Айратовна

д.ф.н., профессор кафедры филологии

Бирский филиал БашГУ

Карамов Тимур Дмитриевич

Уфимский юридический институт МВД России

Аннотация: Цель исследования – обобщение имеющегося теоретического и практического опыта в области лингвистической экспертизы спорных текстов по делам об оскорблении, выработка решений по усовершенствованию методики проведения экспертизы. В ходе исследования затрагиваются юридический и лингвистический аспекты проблемы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, оскорбление, речевой акт, речевой жанр, оценка, неприличная форма выражения.

**LINGUISTIC EXAMINATION OF VERBAL ACTS OF INSULT
(FOR DIFFERENT CATEGORIES OF CASES)**

Karamova Aigul Airatovna

Karamov Timur Dmitrievich

Abstract: The purpose of the study is to generalize the existing theoretical and practical experience in the field of linguistic expertise of controversial texts in cases of insult, to develop solutions for improving the methodology of examination. In the

course of the research, the legal and linguistic aspects of the problem are touched upon.

Key words: Linguistic expertise, insult, speech act, speech genre, assessment, indecent form of expression.

Актуальность обращения к данной теме обусловлена следующими фактами.

Демократизация языка, наблюдающаяся в конце XX – начале XXI вв., часто приводит к речевой вседозволенности. «... наш язык сегодня используется как инструмент сознательных (а потому особенно позорных) и неосознанных нарушений этических норм и традиций, правовых норм, закрепленных статьями соответствующих кодексов РФ» [1, с. 5]. Заметное место среди таких правонарушений занимает оскорбление. Более того, оскорбление, по мнению исследователей, является одним из центральных концептов юридической лингвистики [2, с. 73].

При исследовании спорных текстов по делам об оскорблении лингвист сталкивается с рядом проблемных вопросов: понятие и границы инвективы, понятие неприличной формы выражения, понятия из области филологической теории коммуникации, понятия лингвоконфликтологии: речевая агрессия, речевой конфликт. Решение данных и многих других вопросов значительно облегчит практику лингвистических исследований спорных текстов.

«Очевидно, что понятие оскорбления не имеет объективных критериев, четких диагностических признаков», - отмечает И.А. Стернин [3, с. 27]. Поэтому разработка критериев, четких диагностических признаков – еще одна важная задача, которая требует решения.

Цель исследования – обобщение имеющегося теоретического и практического опыта в области лингвистической экспертизы спорных текстах по делам об оскорблении, выработка решений по усовершенствованию методики исследования.

1.1 Оскорбление как юридическое понятие. Диагностические признаки оскорбления как юридического понятия

Оскорбление как правонарушение входит в содержание следующих категорий дел [4].

I. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 09.03.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.03.2021). Статья 5.61. Оскорбление.

Часть. 1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

Часть. 2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", или в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных.

Часть. 4. Оскорбление, совершенное лицом, замещающим государственную или муниципальную должность либо должность государственной гражданской или муниципальной службы, в связи с осуществлением своих полномочий (должностных обязанностей).

II. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021):

Статья 319. Оскорбление представителя власти: публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением (в ред. Федеральных законов от 08.12.2003 N 162-ФЗ, от 07.03.2011 N 26-ФЗ, от 07.12.2011 N 420-ФЗ).

Статья 297. Неуважение к суду:

Часть 1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства (в ред. Федеральных законов от 08.12.2003 N 162-ФЗ, от 07.03.2011 N 26-ФЗ, от 07.12.2011 N 420-ФЗ).

Часть 2. То же деяние, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (в ред. Федеральных законов от 08.12.2003 N 162-ФЗ, от 06.05.2010 N 81-ФЗ, от 07.03.2011 N 26-ФЗ, от 07.12.2011 N 420-ФЗ).

Статья 336. Оскорбление военнослужащего:

Часть 1. Оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы.

Часть 2. Оскорбление подчиненным начальника, а равно начальником подчиненного во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы.

Статья 107. Убийство, совершенное в состоянии аффекта:

Часть 1. Убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 N 420-ФЗ).

Часть 2. Убийство двух или более лиц, совершенное в состоянии аффекта (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 N 420-ФЗ).

Статья 113. Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта: Умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта), вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными

или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего (в ред. Федерального закона от 07.12.2011 N 420-ФЗ).

III. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 N 1-ФЗ (ред. от 05.04.2021):

Статья 116. Злостное нарушение установленного порядка отбывания наказания осужденными к лишению свободы:

Часть 1. Злостным нарушением осужденными к лишению свободы установленного порядка отбывания наказания являются: употребление спиртных напитков либо наркотических средств или психотропных веществ; мелкое хулиганство; угроза, неповиновение представителям администрации исправительного учреждения или их оскорбление при отсутствии признаков преступления; изготовление, хранение или передача запрещенных предметов; уклонение от исполнения принудительных мер медицинского характера или от обязательного лечения, назначенного судом или решением медицинской комиссии; организация забастовок или иных групповых неповиновений, а равно активное участие в них; мужеложство, лесбиянство; организация группировок осужденных, направленных на совершение указанных в настоящей статье правонарушений, а равно активное участие в них; отказ от работы или прекращение работы без уважительных причин (часть первая в ред. Федерального закона от 09.03.2001 N 25-ФЗ).

IV. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021):

Статья 65. Осуществление родительских прав:

Часть 1. Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей. Обеспечение интересов детей должно быть предметом основной заботы их родителей. При осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью

детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей.

V. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197ФЗ (в ред. от 05.04.2021):

Статья 336. Дополнительные основания прекращения трудового договора с педагогическим работником, а также руководителем, заместителем руководителя государственной или муниципальной образовательной организации высшего образования и руководителем ее филиала.

При этом наличие действия оскорбления может являться не только фактом, который является элементом состава правонарушения, но и доказательным фактом. Например, статья 336 Трудового кодекса. Оскорбление как действие входит в состав некоторых правонарушений на альтернативной основе. Например, статьи 107, 113 Уголовного кодекса. Оскорбление как определенное действие является обязательным элементом состава объективной стороны. Например, статьи 5.61 КоАП, 319 Уголовного кодекса и др. [2, с. 77].

Определение оскорбления как правонарушения дается в Ч.1 Статьи 56.1 КоАП: «оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме».

При этом, следует отметить, что диспозиция данной статьи не столь давно претерпела редакцию (от 09.03.2021, вступила в силу с 27.03.2021), ср. текст в предыдущей редакции: «оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме».

То есть диагностический признак неприличной формы расширился.

Таким образом, понятие оскорбления как феномена права сводится к выявлению двух основных фактов: 1) унижения чести и достоинства другого лица; 2) неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам

морали и нравственности формы; 3) публичности (для определенных категорий дел).

Схематично состав правонарушения можно определить следующим образом.

$$\begin{aligned} &\text{Оскорбление} \\ &= \\ &\text{унижение чести и достоинства} \\ &+ \\ &\text{неприличная или иная противоречащая} \\ &\text{общепринятым нормам морали и нравственности форма} \\ &+ \\ &\text{публичность} \\ &(\text{КоАП 5.61. ч. 2; УК 319}). \end{aligned}$$

Таким образом, юридическое определение оскорбления как унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной или иной противоречащей нормам морали и нравственности форме, ставит перед лингвистами решение определенных теоретических задач языкознания. Смежный, прикладной характер направления юрислингвистики заставляет исследователей чутко реагировать на все изменения в законодательстве, пересматривая некоторые более-менее устоявшиеся в их сознании понятия.

1.2 Проблемы определения лингвистических признаков оскорбления

Оскорбление связывают с таким понятием, как речевая агрессия [5;6].

Речевая агрессия – это отражение в речи агрессии психологической, социальной, то есть агрессии «как любой формы поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» (Р. Бэрн, Р. Ричардсон) [7, с. 42]. Существуют две противоположные точки зрения на природу агрессии: этологическая теория и теория фрустрации [7, с. 44-45]. Согласно этологическому подходу, агрессия свойственна человеку по самой природе, на уровне инстинкта, чем объясняются

трудно поддающиеся обоснованию войны, политическая и религиозная борьба [8]. По замечанию К.С. Гаджиева, разделяющего эту точку зрения, агрессивность связана с такими человеческими качествами, как честолюбие, устремлённость к активному действию, ориентация на успех. Эти качества требуют выхода, ибо постоянное подавление их тяготит человека и чревато негативными последствиями для него [9, с. 451]. Теория фрустрации видит причину человеческой агрессии во внешних раздражающих обстоятельствах [7, с. 44-45].

Наверное, следует признать отчасти справедливость и той, и другой теории. Агрессия на инстинктивном уровне, действительно, присуща человеку. А внешние факторы – это толчок к агрессивному взрыву. Но есть и другие внешние факторы, которые, часто, наоборот, тормозят выход агрессии наружу. Ведь не стоит забывать о том, что человек – существо не только биологическое, но и социальное. Это хорошо видно на примере политического дискурса, где на речевое поведение, с одной стороны, влияют условия жёсткой политической борьбы, а с другой, - чувство политкорректности. Иной вопрос, насколько будет преобладать тот или другой фактор в определённой ситуации и насколько он вообще значим для определённого субъекта коммуникации.

Оскорбление (наряду с издевкой) считают одним из проявлений речевой агрессии, связывая ее со стратегией дискредитации [10, с. 167-177; 11]. В целом, эта стратегия работает в рамках речевого воздействия «игры на понижение» [10, с. 160]. Основной особенностью тактики оскорбления является отрицательная оценка [10, с. 161], причинение ущерба противнику [12]. То есть оскорбление связано с выражением отрицательной оценки, направлено на понижение статуса адресата, причинение ему вреда.

Лингвистически, на лексико-фразеологическом уровне, мы соотносим оскорбление с инвективами. При этом, необходимо отметить, что речь пока идет только об оскорбительном «заряде», то есть способности оскорбить. Итак, на лексико-фразеологическом уровне оскорбительно «заряженными» являются

инвективные слова и фразеологизмы. «Инвективную лексику и фразеологию составляют слова и выражения, заключающие в своей семантике, экспрессивной окраске и оценке оскорбление личности адресата, интенцию говорящего или пишущего унижить, оскорбить, обесчестить, опозорить адресата своей речи (или объекта оскорбления), обычно сопровождаемую намерением сделать это в как можно более уничижительной, резкой, грубой или циничной форме (реже прибегают к «приличной» форме - эвфемизмам, вполне литературным)» [13, с. 75].

Исследователями дана, на наш взгляд, вполне исчерпывающая характеристика данных слов и фразеологизмов, которой вполне можно руководствоваться при выявлении «оскорбительного заряда» слов и фразеологизмов.

Взяв за основу типологию В.Н. Базылева, Ю.А. Бельчикова, А.А. Леонтьева, Ю.С. Сорокина [13, с. 65-82], представим следующую классификацию инвективов, дополнив и скорректировав ее с учетом принадлежности слова литературным/нелитературным разновидностям языка, выражения негативной оценки, эмоционально-экспрессивной окраски.

I. Нелитературные бранные слова и фразеологизмы: просторечные, диалектные, жаргонные, обценные (матерные).

II. Литературные (принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами, грубопросторечные) бранные слова и фразеологизмы: *гад* (перен.), *гаденый* (перен.), *гадина*, *гнида* (перен.), *подлый*, *подлюга*, *сволочь*, *скотина* (перен.), *стерва*.

III. Литературные слова и фразеологизмы:

1. Констатирующие номинации лица, обозначающие негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо, например: *бандит*, *вор*, *мошенник*, *педераст*, *проститутка*, *фашист*, *шпион*.

2. Слова и словосочетания, в самом значении которых при констатирующем характере семантики содержится негативная оценка деятельности, занятий, поведения кого-либо, сопровождаемая экспрессивной окраской публицистического характера. Например: *антисемит, двурушник, изменник, предатель, расист, ренегат, русофоб, юдофоб...*

3. Нейтральные номинации лица по его профессии, роду занятий, например: *бюрократ, коновал, мясник, чиновник*, которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т.п. Например: *Бюрократ...* — 2. Неодобр. Должностное лицо, выполняющее свои обязанности формально, в ущерб делу; *формалист, буквоед...* (Словарь... под ред. А.П. Евгеньевой, т. I, с. 131); *Коновал...* — 2. Разг., пренебр. О плохом, невежественном враче (там же, т. II, с. 91); *Мясник...*

4. Зоосемантические метафоры, содержащие негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т.п.: *быдло, кобель, кобыла, рыло, свинья, свиное рыло, сука, сукин сын*, а также метафоры с исходными понятийными сферами «Война», «Преступный мир» [7, с. 50].

5. Слова, обозначающие действия или качества, свойства кого-либо или чего-либо. Среди таких слов есть слова констатирующей семантики: *украсть, убить, мучить, издеваться, насиловать, хулиганить, врать, воровать* и слова оценочные, с яркой экспрессивной окраской: *хапнуть, двурушничать, лицемерить, лихоимствовать, прикарманить*.

6. Слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной же экспрессией: *дурак, гадина, гнусный*.

7. Словосочетания, представляющиеся эвфемизмами: *женщина легкого поведения, падшее создание, стоять на панели, агент иностранных спецслужб*.

8. Оказиональные образования, создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п.: *коммуняки, иудоккоммунисты, дембанда*.

9. Прозвища: *Жир, Либералиссимус всяя Руси, Сын юриста, Владимир Юристович, Вервольфович, Владимир Дьявольфович Вожжириновский, Красный Папа Зю, Лысый Чебурашка, Крокодил Гена, Гендиру Зюганди, Зюзя, Капээсэня, Сатанидзе, Жирик, Зю, дядюшка Зю, Зюганыш, Хрущ кукурузный, царь Борис, Борис кровавый* [14, с. 299].

Во всех рассмотренных примерах имеет смысл говорить лишь о способности оскорбить. Ведь даже наиболее агрессивно заряженные из них в определенной коммуникативной ситуации могут не стать оскорбительными, например, матерные слова и сочетания в функции междометий: «Ты, с*ка, че делаешь?» [2, с. 100, см. также: 3, с. 16], а также использованные говорящим только «себе под нос» или в отсутствие слушателей [3, с. 17]; а слова и выражения, не вошедшие в вышеприведенный перечень, вполне могут явиться оскорбительными, например, вполне безобидные слова, попавшие в один квазисинонимический ряд с грубыми бранными словами (о квазисинонимической ситуации см. подр. [15]): *с*ка, дочь наркомана* (пример из лингвистического исследования). Поэтому вывод о том, что данные слова и фразеологизмы являются оскорбительными, можно сделать только при анализе коммуникативной ситуации, с позиций речевого жанра оскорбления [16; 2 и др.].

Итак, мы определили, что на лексико-фразеологическом уровне оскорбление = инвективная лексика и фразеология.

Следующий вопрос, который необходимо решить, как инвективы характеризуются с точки зрения приличной/неприличной формы выражения. Иными словами, все ли слова, перечисленные в вышеприведенной классификации, можно квалифицировать как неприличные.

Вопрос о неприличной форме решается в науке по-разному. Одни исследователи считают, что однозначно (со строго научно-лингвистической точки зрения) к таким наименованиям можно относить только нецензурные единицы, то есть матерные слова, круг которых ограничен: «... пятью словами - нецензурными обозначениями мужского и женского половых органов (две единицы – на *п..* и на *м...*), нецензурное обозначение процесса совокупления и нецензурное обозначение женщины распутного поведения на *б...*, а также все образованные от этих слов языковые единицы, то есть содержащие в своем составе данные корни» [3, с. 16]. Другие исследователи, ставя во главу угла иную шкалу квалификации, максимально расширяют это понятие: «оскорбление как форма речевого поведения оценивается как неприличная, и в данном случае не является важным, в какой форме (обсценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление» [2, с. 107].

Это две крайние точки шкалы, между которыми располагаются единицы с разной степенью неприличия. Так, например, И.А. Стернин связывает понятие приличной/неприличной языковой формы с понятием нормативности/ненормативности. То есть «приличная лексика, приличная языковая форма выражения мысли – это использование нормативной (приличной) лексики и фразеологии» [3, с. 14]. Относя к ненормативной лексике 4 группы слов - сниженную, вульгарную, бранную и нецензурную, исследователь однозначно относит к неприличной нецензурную (матерную) лексику; сниженную, вульгарную, бранную считает некультурной – то есть неуместной, не рекомендуемой в общественном месте [3, с. 13-18]. «При этом сниженная, вульгарная и бранная лексика не относится к неприличной, она остается ограниченной в употреблении, неуместной в публичном употреблении, но не неприличной в строго научном понимании» [3, с. 20]. Расширительное понимание неприличной лексики исследователь считает ненаучным, обыденным.

На наш взгляд, в свете новых поправок в КоАП 56.1 от 09.03.2021, где формулировка оскорбления расширяется: «...выраженное в неприличной и иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» [4] следует уточнить такие понятия, как мораль, нравственность.

Мораль и нравственность – это центральные этические категории.

Мораль – «совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и к обществу, нравственность» [17, т.2., с. 298]. Нравственность – «совокупность норм поведения человека в каком-л. обществе [17, с.т.2, с. 513]. Норма – «обычный, общепринятый, обязательный порядок, состояние чего-л.» [17, т.2., с. 508]. То есть мораль и нравственность – это то, что соответствует нормам, то есть общепринятым, обязательным правилам общественного поведения человека. Это, на наш взгляд, расширяет квалификацию «неприличной и иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности формы», соотнося с ее понятием инвективной лексики и фразеологии (см. классификацию, представленную выше). При этом, соотнесем понятие неприличной формы с п. I, II представленной выше классификации инвективной лексики и фразеологии, понятие иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности формы – с п. III классификации.

То есть, по факту, юридическая формулировка в новой редакции снимает многие споры по поводу второго диагностического признака оскорбления, дает большую свободу лингвистам в соответствующей квалификации единиц. С другой стороны, она несколько «размывает» границы неприличной лексики и фразеологии, заставляет лингвистов пересмотреть некоторые устоявшиеся в их сознании понятия.

Таким образом, в ходе решения обозначенных вопросов можно сделать следующее заключение: оскорбление = инвективы = единицы, выраженные в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме. При этом неприличная форма = нелитературные

бренные единицы + литературные (принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами, грубопросторечные) бренные единицы; иная противоречащая общепринятым нормам морали и нравственности форма = литературная (связанная с выражением негативной оценки). При этом речь идет лишь об оскорбительном «заряде» инвективной лексики и фразеологии, то есть способности оскорбить. Сделать окончательный вывод, является ли анализируемая единица средством оскорбления, можно, только проанализировав ее употребление в определенном акте коммуникации (с позиций РЖ оскорбления, с использованием метода РА).

1.3 Методы и методики исследования речевых признаков оскорбления

Исследователи отмечают, что вопрос методов исследования спорных текстов сегодня является актуальным. Так, Н.Д. Голев отмечает, что «имеется необходимость выработки общих принципов и конкретной методики юрислингвистической экспертизы, способной эффективно совмещать лингвистическую и правовую оценку конфликтных языкоречевых ситуаций, вовлекаемых в сферу юрисдикции», [18, с. 16].

Однозначно ответить на вопрос, являются ли лексико-фразеологические средства инвективными (то есть оскорбительными), можно решить, проанализировав речевой жанр оскорбления с использованием метода теории речевых актов. Суть теории речевых актов [19, с. 18-19; 20, с. 287; 2, с. 54; 21] в том, что «лингвист на самом деле анализирует не семантику употребленных слов и выражений, он анализирует действия, совершенные с помощью слов» [20, с. 286]. Примечательно, что и по третьему диагностическому признаку оскорбления (касающегося публичности), актуальный по некоторым категориям дел, возможно ответить, лишь проанализировав речевой акт оскорбления.

Актуальным будет также использование метода дискурсивного анализа, позволяющего привлекать к анализу широкий контекст коммуникативной ситуации [14, с. 31-33].

При анализе речевых средств жанра оскорбления эффективными являются также методы:

- лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа (определение значения слов, словосочетаний, предложений в контексте высказывания и сверхфразового единства);
- компонентного анализа (выявление оценочного компонента в структуре лексического значения, определение коннотаций [22]);
- лингво-стилистического анализа (определение стилистически окрашенных экспрессивных единиц);
- функционально-стилистического анализа (определение регистра общения участников коммуникации, обусловленность текста регистром общения, стилистическая уместность/неуместность употребления единиц);
- концептуального анализа («направленного на выявление наиболее важных для автора речевого произведения понятий, актуализируемых в тексте высказывания, и возможностей их интерпретации с учетом интра- и экстралингвистического контекста» [23, с 154–195]);
- грамматического анализа (определение грамматических значений на морфологическом и синтаксическом уровне) и др.

1.4 Анализ речевого жанра оскорбления

Возьмем за основу характеристику речевого жанра (РЖ) оскорбления, представленную в [16, с. 94–98; 24], с некоторыми уточнениями и дополнениями.

В структуру РЖ оскорбления входят:

1) участники конфликтной ситуации: инвектор (тот, кто оскорбляет) и инвектум (тот, кого оскорбляют) с учетом следующих характеристик: количество и соотношение участников конфликта; социальный статус конфликтеров (пол, возраст, должность/ранг, профессия). По замечанию Бринева, инвектор и инвектум – это обязательные участники, помимо них, в

конфликтной ситуации может быть задействован «участник 3» (наблюдатель) как факультативный участник [2, с. 95];

2) форма передачи сообщения (письменная / устная);

3) характеристика конфликтной ситуации (контекст), включающая причину возникновения речевого конфликта, фоновую информацию, предмет и причину разногласий;

4) характер конфликтного взаимодействия (контакт), обусловленный особенностями коммуникативного развертывания конфликта, отношениями между конфликтующими сторонами и т.п.

5) языковой код, способствующий развертыванию конфликтной ситуации в речевой конфликт (наличие инвективной лексики, нарушение этикетных норм и т.п.).

1. Участники конфликтной ситуации.

Участников конфликтной ситуации можно классифицировать следующим образом.

I. Обязательные участники.

1) По юридической закреплённости статуса:

А) Участники с закреплённым в законодательстве статусом:

- инвектор и инвектум с закреплённым статусом: со сменой статуса инвектора и инвектума - военный служащий, начальник, подчиненный (УК, статья 336); инвектор – осужденный, инвектум - представитель администрации исправительного учреждения (УИК 116);

- инвектум с закреплённым статусом: представитель власти (УК 139), участник судебного разбирательства, судья, присяжный заседатель или иное лицо, участвующее в отправлении правосудия (УК 297);

- инвектор с закреплённым статусом: лицо, замещающим государственную или муниципальную должность либо должность государственной гражданской или муниципальной службы (КоАП 5.61).

В данных случаях социальные роли определены, ситуация общения – официально-деловая, строго кодифицированная, которая требует определенных правил речевого поведения и не терпит нарушений. Особенно это актуально для квалификации речевого высказывания как приличной/неприличной формы.

Б) Участники с незакрепленным статусом: лицо/лица (КоАП 5.61, УК 107, 113), чье наполнение в каждом конкретном случае может быть различным, и характеристика требует «реконструкции». Чаще всего это бытовая или публицистическая сфера общения, что уже само по себе накладывает отпечаток на выбор речевых средств. В случае квалификации неприличной формы выражения это вызывает определенные затруднения. В разговорной речи (и в современной публицистической с ее демократизацией) – иные, некодифицированные нормы, и многое, что недопустимо в книжных стилях (и особенно, в официально-деловом), по нормам разговорной речи, считается нормальным [25].

2. По участию в коммуникативном акте:

А) непосредственные участники – участники, непосредственно участвующие в коммуникативной акте (инвектор и инвектум). Например, конфликт между соседями в следующей ситуации. Участник 1 (инвектум) приехала к бабушке и дедушке в село. Вечером они собрались с бабушкой выехать в магазин за продуктами. Когда они вышли из дома, на улице в метрах 30-ти от дома стояла соседка (Участник 2, инвектор) и кричала что-то в сторону Участника 1; когда та начала снимать на телефон, Участник 2 крикнула в сторону Участника 1: «С*ука, дочь наркомана!» (пример из лингвистического исследования). Это самое типичная ситуация оскорбления, когда наблюдается непосредственное участие конфликтеров в диалоге.

Б) косвенные участники (только инвектум) – наблюдается в том случае, когда инвектум участвует в акте коммуникации опосредованно, через третье лицо (третьи лица). Это, по определению Бринева, дистантный речевой акт оскорбления» [2, с. 96]. Например, публичная переписка двух знакомых

(Участника 1 и Участника 2). Участник 1 попросил Участника 2 познакомить его с девушкой (Участником 3), Участник 2 дал ссылку на страничку Участника 3 на сайте знакомств. Участник 3 не изъявила желание общаться с Участником 1. Участник 1 пожаловался Участнику 2: «Сразу блокирует. Твоя знакомая». В ответ на эту реплику участник 2 ответил: «как х* и и нам с*ть в сауне за деньги не отказывалась» (пример из лингвистического исследования). В данном случае инвектум – косвенный участник, об оскорбительном выпаде в свой адрес участник 3 узнает из публичной переписки.

Акцентируем внимание, что инвектор и инвектум – обязательные участники речевого акта оскорбления. Если нет инвектума, то нет и оскорбления. Не может быть безадресного оскорбления. Например, неустановленные лица в парке на свежоокрашенных элементах детской площадки, а также вновь установленном оборудовании нанесли нецензурные рисунки и слова (пример из лингвистического исследования). В данной ситуации нет и не может быть конкретного инвектума, поэтому нельзя отнести данную ситуации к жанру оскорбления.

II. Факультативные участники – это третье лицо (третьи лица).

При дистантном речевом акте это третье лицо служит «каналом передачи информации об оскорблении лица» [2, с. 96] и становится уже обязательным участником ситуации оскорбления [10, с. 165]. На языке описания, принятом в [26] это выглядит следующим образом:

«А) Знаю, что Х способно причинить тебе психологический ущерб

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю Х

В) Говорю Х по отношению к тебе третьему лицу У

Г) Знаю, что У передаст тебе, что я говорил Х

Д) Говорю Х для того, чтобы причинить тебе психологический ущерб»

[2, с. 96].

Более того, при дистантном речевом акте третье лицо выполняет двойную функцию: является каналом передачи информации и создает условие публичности.

При непосредственном участии инвектума в акте коммуникации третьи лица выполняют лишь одну функцию - создают условие публичности оскорбления.

Условие публичности актуально для таких категорий дел:

- КоАП. Статья 56.1. Ч.2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", или в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных;

- УК. Статья 319. Ч. 1. Оскорбление представителя власти: публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением

- УК. Статья 297. Ч 1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства. Ч 2. То же деяние, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия. Компонент публичности имплицитно не сформулирован, но поскольку суд относится к публичным процедурам, то публичность предполагается самой коммуникативной ситуацией;

Но и для таких категорий дел, где публичность не является обязательной квалификацией (например, КоАП. Статья 56.1. Ч. 1), она важна как «усилитель» оскорбления: «...оскорблять можно и один на один, но присутствие посторонних лиц усиливает перлокутивный эффект» [10, с. 165]).

Таким образом, участники конфликтной ситуации могут быть обязательными и факультативными. Обязательные участники – инвектор и инвектум. Последний может быть непосредственным и косвенным, в этом случае обязательным становится участник(и)-наблюдатель(и), который является транслятором оскорбительного выпада и, с другой стороны, фактором

публичности оскорбления. Среди обязательных участников существует дифференциация по наличию/отсутствию юридической закреплённости статуса. Здесь наблюдается прямая взаимосвязь с регистрами общения. Участники с закреплённым (прописанным) статусом характеризуют официально-деловой стиль общения, участники с незакреплённым (непрописанным) статусом – разговорный и публицистический стиль. Это накладывает свой отпечаток на характеристику приличной/неприличной формы. То, что в официально-деловом стиле однозначно не допускается, то вполне возможно (хотя и с оговорками) в разговорной речи.

2. Форма передачи информации.

Данная характеристика имеет важное значение, так как устная, непосредственная, спонтанная речь принципиально отличается от письменной, подготовленной (и потому более продуманной). Характерные черты устной речи - неподготовленность, линейность, необратимость, связь с физическим временем осуществления речи - повышают «автоматизм и случайность в употреблении языковых средств, снижают сознательность их отбора» [27, с. 567]. Именно поэтому в случае устной ситуации общения больше риска оскорбить человека случайно, непреднамеренно, неудачно выразившись. Этому способствуют также характерные для устной речи языковые особенности, среди которых заметное место занимает активное употребление средств эмоционально-оценочного характера, разговорных элементов [27, с. 568] (которые, как уже говорилось выше, «работают» на оскорбление). Вместе с тем, исследователи в качестве обязательного условия оскорбления отмечают намеренное причинение психологического ущерба. См., например, ситуацию оскорбления:

А) Знаю, что X способно причинить тебе психологический ущерб.

Б) Хочу, чтобы ты знал, что я говорю X.

В) Говорю X, чтобы причинить тебе психологический ущерб» (выделено мною) [2, с. 95-96].

Поэтому в устной ситуации общения задача эксперта значительно усложняется – необходимо правильно квалифицировать иллокутивную цель высказывания. В письменной речи (например, публицистической), учитывая характер ее подготовленности, возможность случайного, непреднамеренного оскорбления минимизируется. Но при этом возрастает возможность тщательно продуманного завуалированного инвективного смысла высказывания. Ср. ситуации с неявным коммуникативным намерением.

3. Характеристика конфликтной ситуации (контекст).

Здесь анализируются причина возникновения речевого конфликта, фоновая информация, предмет разногласий, взаимоотношения между участниками конфликта, развертывание коммуникативной ситуации.

Характер конфликтного взаимодействия (контакт).

Анализируется в том числе характер публичности / непубличности, особенности коммуникативного развертывания конфликта, отношения между конфликтующими сторонами.

5. Языковой код, способствующий развертыванию конфликтной ситуации в речевой конфликт.

Анализируются инвективные единицы, средства, нарушающие речевой этикет и т.п.

Поскольку речевой акт оскорбления — речевой акт «оценочной, а именно — негативно-оценочной квалификации (квалификативы)» [20, с. 288], то центральная задача анализа речевых средств — выявление негативно окрашенных единиц, работающих на понижение статуса адресата.

Помимо этого, необходимо еще проанализировать негативно окрашенные единицы с точки зрения их формы - приличной/неприличной.

При этом, по замечанию Т.В. Чернышовой, «лингвист, отождествляющий речевой акт, содержащий оскорбление лица, выраженное любым способом, может (должен) указать на его оскорбительный характер, если, оценивая условия речевого акта, он приходит к выводу о том, что в ходе данного речевого акта через использование оценочной лексики и фразеологии произошло снижение статуса инвектума по отношению к статусу инвектора» [21]. Тем более, что понятие неприличной формы, в свете новых поправок, как уже говорилось выше, расширяется и даже несколько «размывается».

Только полный анализ всех вышеуказанных пунктов сможет позволить прийти к выводам, являются ли высказывание или текст оскорбительными.

Среди признаков оскорбления выделяют также: направленность на человека, направленность против реципиента, не желающего подобного обращения, наличие намерения оскорбить. Именно эти три признака, по мнению О.В. Саржиной, позволяют отличить инвективный контекст от негативно-эмоционально-оценочного [6, с. 260-263].

Из обозначенных характеристик особенно заслуживает внимания иллокутивное намерение, то есть наличие намерения оскорбить. К.И. Бринев, относя иллокутивную цель к одному из обязательных компонентов инвективного речевого акта, связывает ее с условиями успешности: «Участник 1 знает, что высказывание X может причинить ущерб Участнику 2 и хочет, чтобы Участник 2 знал, что в отношении Участника 2 Участником 1 произведено инвективное высказывание» [2, с. 95-96]. С юридической позиции, «установление умысла отличает оскорбление от хулиганства, которое обусловлено вызовом общественному мнению, а не конкретным умыслом» [3, с. 22]. При этом И.А. Стернин отмечает, что наличие умысла на оскорбление устанавливается судом, то есть это не входит в компетенцию лингвиста. Вместе с тем, о наличии умысла косвенно могут свидетельствовать и некоторые лингвистические признаки, например: языковые и коммуникативные маркеры, указывающие на умышленность высказанного оскорбления: фразы типа -

«пусть все слышат!», «пусть все знают, что ты за человек!»; речевые маркеры намерения («я тебе выскажу!», «чтоб ты знал...») [3, с. 22]. Думается, если в анализируемом тексте представлены речевые маркеры иллокутивного намерения оскорбления, то лингвисту необходимо на это указать.

Что касается перлокутивного эффекта в речевом акте оскорбления, то здесь необходимо отметить следующее. Анализируя дефиниции слов, обозначающих понятие оскорбления и близких с ним понятий, И.А. Стернин приходит к выводу, что «оскорбительная фраза – такое словоупотребление, которое вызывает у субъекта чувство обиды, субъективного огорчения, субъективного недовольства, унижения. Обида есть субъективное негативное восприятие чьих-либо слов или поступков, субъективное психологическое недовольство словами или поступками другого человека в отношении потерпевшего» [3, с. 27]. Ключевым признаком здесь является субъективность. То, что не является обидным для одного, может вызвать чувство обиды у другого. Это зависит от множества факторов, в том числе от личностных. Поэтому совершенно очевидно, что перлокутивный эффект не может считаться определяющим в констатации факта оскорбления.

Таким образом, сделать вывод об оскорбительном характере спорного текста можно, проанализировав его с точки зрения всех характеристик, присущих речевому жанру оскорбления. Это: участники конфликтной ситуации, форма передачи информации (устная/письменная), контекст, особенности контакта, языковой код. Важно при этом помнить, что языковой код, избранный участником конфликтной ситуации – это лишь один из компонентов речевого жанра оскорбления (хотя и самый значительный). При анализе участникам конфликтной ситуации приписываются определенные коммуникативные роли (инвектора, инвектума, наблюдателя). Вместе с тем, необходимо учитывать, что у ряда участников имеются законодательно закрепленные (прописанные) роли: представителя власти, судьи,

военнослужащего и др. Это закрепляет спорный текст за официально-деловым стилем общения, что нельзя не учитывать в ходе анализа.

1.5 Специфика анализа речевого жанра оскорблений в зависимости от сферы реализации

Анализируя участников речевого акта оскорбления, мы вплотную подошли еще к одной проблеме исследования спорного текста – необходимости учитывать при анализе регистр общения. Четко прослеживается, что все тексты оскорбительного характера подразделяются по сфере функционирования: 1) официально-деловые; 2) публицистические; 3) разговорно-бытовые. Каждый из них имеет свою специфику, не учитывать которую при исследовании, на наш взгляд, невозможно.

Спорные официально-деловые тексты

Связаны, прежде всего, со следующими категориями дел.

КоАП. Статья 5.61. Ч.1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

КоАП. Статья 5.61. Ч.4. Оскорбление, совершенное лицом, замещающим государственную или муниципальную должность либо должность государственной гражданской или муниципальной службы, в связи с осуществлением своих полномочий (должностных обязанностей).

УК. Статья 319. Оскорбление представителя власти: публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением.

УК. Статья 297. Ч 1. Неуважение к суду, выразившееся в оскорблении участников судебного разбирательства. Ч.2. То же деяние, выразившееся в оскорблении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия.

УК. Статья 336. Ч. 1. Оскорбление одним военнослужащим другого во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы.

Ч.2. Оскорбление подчиненным начальника, а равно начальником подчиненного во время исполнения или в связи с исполнением обязанностей военной службы.

Сферу распространения очень важно учитывать в связи с тем, что требования к речевому оформлению разных функциональных стилях неодинаково. Так, для официально-деловой речи характерна, наряду с другими особенностями, «особая официальность выражения и безэмоциональность» (своего рода «сухость»)» [28, с. 327-328]. Не случайно, по замечанию исследователей, официально-деловой стиль «долгое время оставался «нелюбимым ребенком русской стилистики: «Бедный лексически, однотонный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности и даже отдаленно не претендующий на нее, он, конечно, ничьего внимания при разрешении задач о слоге для изящной литературы к себе не привлек» [29. Цит. по: 28].

Исследователи отмечают, что в последние десятилетия официально-деловой стиль претерпевает изменения под влиянием социально-политических экономических изменений в стране. В частности, расширяется «сфера применения собственно диалогической, субъектно-субъектной коммуникации» [28, с. 336] и др.

То есть общая демократизация в речевой сфере затронула и такую наиболее строгую, безэмоциональную сферу, как официально-деловой стиль: «Развитие официально-делового стиля в последние годы шло в русле демократизации – ведущей тенденции эволюции всего русского литературного языка» [28, с. 340]. При этом, даже применительно к устной официально-деловой речи нормой считается «регламентированность, а также строгое следование этикету» [28, с. 335], несмотря даже на то, что некоторые исследователи отказывают устной речи, имеющей место в сфере делового общения, в статусе официально-делового стиля [30].

Поэтому все нарушения речевых норм особенно остро ощущаются именно в условиях реализации официально-деловой речи. И подход к квалификации речевых средств как оскорбительных по указанным выше категориям дел будет, на наш взгляд, более строгим. Так, именно в официально-деловой речи наиболее остро воспринимается нарушение этикетных форм, например, обращение на ты. При этом недопустимо обращение на ты как между официальными лицами, так и между официальным и неофициальным лицом (с разными коммуникативными ролями). Например, обращение на ты врача по отношению к медицинской сестре во время исполнения служебных обязанностей (оба участника коммуникации являются официальными лицами); обращение на ты посетителя официального учреждения по отношению к должностному лицу – представителю организации социальной поддержки, во время исполнения последним служебных обязанностей (адресат – частное лицо, адресант – официальное лицо); обращение на ты коллектора микрофинансовой организации по отношению к клиенту (адресат – официальное лицо, адресант – частное лицо) и т.п. Подобное нарушение этикетных норм усиливает инвективный эффект.

Например, частотны в нашей практике оскорбления в официально-деловой сфере по делам УК, статье 319. Оскорбление представителя власти.

Наиболее типичные ситуации:

- оскорбление имеет место в помещении приемного покоя, куда оскорбляющий, находящийся в состоянии алкогольного опьянения, доставляется представителем власти с целью прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического);

- оскорбление происходит в адрес сотрудника ГИБДД в состоянии алкогольного опьянения в момент составление протокола или предложения со стороны представителя власти к прохождению медицинского

освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического);

- оскорбление происходит в иных местах (на улице, в местах общественного пользования и др.) в состоянии алкогольного опьянения.

Сближает все эти ситуации тот факт, что инвектор чаще всего находится в состоянии алкогольного опьянения. При этом обычно в избытии употребляется нецензурная матерная лексика и фразеология. Подобные исследования для лингвиста являются одними из наиболее простых.

Это могут быть также исследования по делам КоАП, статье 5.61. Оскорбление. Ч.1 (хотя эта категория дел более характерна для разговорной речи), когда речевой акт оскорбления осуществляется в официальной обстановке (на рабочем месте, в присутственном месте). Например, оскорбление врачом медсестры на рабочем месте в рабочее время; оскорбление посетителем центра социальной поддержки населения служащих данной организации во время исполнения служебных обязанностей и т.п.

Спорные публицистические тексты (медiateксты)

Связаны чаще всего с правонарушениями по статье КоАП 5.61. Ч 2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", или в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных.

Для медiateкстов (в частности, газетных) характерны следующие признаки: реализация информационной и воздействующей функций (с преобладанием последней); тематическая избирательность и социальная оценочность; наличие структурной и композиционной организации, облегчающей восприятие информации, предназначенной для широкой аудитории; ориентация в выборе языковых средств на определенную читательскую аудиторию, чем обусловлено активное использование

разговорных единиц; использование разнообразной лексики и стилистических приемов, ориентированных на воздействие и убеждение; неупотребительность просторечно-бранной, сниженной лексики и фразеологии, находящейся за пределами литературного языка [31].

Любое публичное слово, по мнению Т.В. Чернышовой, сопряжено с риском. Медиакоммуникация является наиболее потенциально конфликтной сферой коммуникации. «Критическое осмысление действительности журналистом, публичный характер медиакоммуникации, полиинтенционность и полифункциональность медиатекстов, стилевое разнообразие, совокупность разноуровневых лингвистических и экстралингвистических средств, эти и многие другие дискурсивные признаки часто способствуют созданию в медиакоммуникации ситуаций речевого конфликта, для решения которых участники подобных информационных споров вынуждены обращаться в суд» [31, с.68-85].

Основная функция публицистики, как отмечалось выше, – информационно-воздействующая (с преобладанием воздействующей). Отсюда – высокая степень экспрессивности, явно выраженной оценочности.

В публицистике экспрессивность достигает порой крайних пределов, переходя в речевую агрессию. Во многом это связано с тем, что публицистический дискурс тесно пересекается с политическим дискурсом, а главное свойство самой политики – агональность, вызванная борьбой за власть. Речевая агрессия, связанная с выражением отрицательной оценки, в публицистике, главным образом, направлена на принижение противника с целью дискредитации в условиях политической борьбы.

Ярко выраженная экспрессивность публицистики связана также с такими особенностями политической коммуникации, как взаимодействие субъектов. Взаимоотношения «субъект↔объект» зачастую представлены разновидностью «вождь↔толпа». Апелляция вождя к образно-чувственному мышлению народа оказывается наиболее действенной, нежели логическое выстраивание

аргументов. Ведь, по замечанию Г. Лебона, толпа и сама «мыслит образами», она «совсем не отделяет субъективное от объективного» и «считает реальными образы, вызванные в ее уме и зачастую имеющие лишь очень отдаленную связь с наблюдаемым ею фактом» [32]. По словам исследователя, толпа, по самой своей сути обладая преувеличенностью чувств, способна реагировать только на такие же преувеличенные чувства. И поэтому вождь, желающий увлечь её, «должен злоупотреблять сильными выражениями» [32].

Экспрессивность, оценочность медиатекстов также во многом способствуют их конфликтности.

Среди специфичных условий особенностей оскорбления в публицистическом тексте можно выделить следующее.

По замечанию ряда исследователей, для политической коммуникации (как части публицистической) характерна усложнённая модель речевой коммуникации. В качестве её участников выделяют двух адресатов («двух Других», как их обозначила Э. Лассан, опираясь на идею М.М. Бахтина о роли «Другого» в высказывании [33, с. 53-54]): соперник (оппонент) и народ. Так, О.Л. Михалёва, помимо Адресанта (Sb политического действия-1), говорит ещё о двух коммуникантах: Sb политического действия-2 – Прямом адресате (слушающем) – сопернике, который может участвовать или не участвовать реально в разговоре; Sb политического действия-3 – Адресате-наблюдателе («народе»), чьего внимания добивается политик, на чьи интересы ссылается [34, с. 36-37]. Такая усложненная политической коммуникации модель распространяется и на акт оскорбления. Так, Иссерс отмечает, что в связи с этим «происходит «раздвоение» коммуникативной задачи: необходимо, во-первых, дискредитировать оппонента в глазах наблюдателя, вызвать у последнего смеховую реакцию, во-вторых, унижить, задеть чувства оппонента. Обе задачи взаимосвязаны: при отсутствии успеха в решении хотя в одной из них ... говорить об оскорблении нельзя» [10, с. 165].

При этом, на наш взгляд, учитывая специфику политического дискурса, оскорбление в текстах политической коммуникации не является самоцелью. Основная задача адресанта – воздействие на адресата-наблюдателя (народ) с целью формирования в его сознании определенной, выгодной для адресанта картины мира. Примечательно, что с этой целью используются не только эмоционально-оценочные средства с явным воздействующим эффектом, но зачастую – и суггестивные средства, имеющие скрытый воздействующий эффект [14, с. 324-347]. При этом очень часто в политической коммуникации для достижения основной цели говорящий избирает характерный для речевого акта оскорбления языковой код. Оскорбление – это либо промежуточный этап по пути к главной цели, либо «побочный эффект» в процессе ее достижения.

Здесь имеет место «проактивная инвектива – это оскорбительное вербальное поведение с целью достижения различных внешних выгод. В данном случае нанесение ущерба другим не является самоцелью, оскорбление используется в качестве инструмента для осуществления различных желаний (инвектива-средство)» [6, с. 264].

Спорные разговорные тексты

Связаны чаще всего с правонарушениями по статье КоАП 5.61.

Ч.1. Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

Ч.2.2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенное публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет", или в отношении нескольких лиц, в том числе индивидуально не определенных.

Существует довольно четкое противопоставление разговорного стиля и книжных стилей литературного языка. По мнению ряда ученых, разговорный стиль – это особый язык, а не один из функциональных стилей [25, с. 5].

И это, на наш взгляд, имеет под собой основу. Во-первых, специфичны сами условия реализации разговорной речи, которые принципиально отличают ее от других разновидностей ЛЯ: 1) неподготовленность акта коммуникации, 2) непринужденность акта коммуникации (то есть неофициальность – отсутствие официальных отношений между участниками коммуникации; неофициальная обстановка; отсутствие установки на официальное общение), 3) непосредственное участие говорящих в акте коммуникации (то есть диалогичность) [25, с. 5]. Анализ разговорных текстов показывает, что эти три условия «срабатывают» в большей или меньшей сфере. Так, разговорная речь может быть вполне уместна и в официальной обстановке (например, в офисе во время обеденного перерыва), и в общении между людьми, имеющими официальные взаимоотношения (коллегами). Но выбор речевых средств в этом случае будет более строгим, менее свободным, нежели в ситуации общения в бытовой обстановке между близкими людьми (то есть в типичной ситуации разговорной речи). На наш взгляд, именно непринужденность, то есть неофициальность, акта коммуникации – основная экстралингвистическая особенность разговорной речи, которая в первую очередь определяет выбор речевых средств. Чем непринужденнее обстановка, то есть чем она менее официальна, тем больше разговорная речь проявляется во всех своих особенностях.

Разговорная речь обладает специфическими свойствами, проявляющихся на всех языковых уровнях. Среди основных черт разговорной речи выделяют, в частности, следующие: «наибольшая свобода в выражении мыслей и чувств, то есть его доминантой, организующей речь, является минимум заботы о форме выражения (важно, ЧТО, а не КАК)»; кодификация норм «действует только в пределах общелитературных норм, но даже в этих случаях наименее жестко»; «велика доля окказиональной и персонально-личностной составляющей (говорю и пишу как хочу)» и др. [35, с. 320]. Отмечается также эмоциональная насыщенность разговорной речи. Всё это обуславливает высокую степень ее

конфликтности. К этому стоит еще добавить и преимущественно устный характер разговорной речи со всеми его характеристиками (см. выше). Не случайно поэтому именно в этой сфере общения активна реализация речевых актов оскорбления.

Особенно частотны речевые акты оскорбления в разговорной речи в типичной для нее ситуации бытового общения (на улице, в местах общего пользования и т.п.).

При этом, с учетом того, что в настоящее время набирает обороты виртуальное общение, или «неофициальное публичное взаимодействие членов социума, осуществляемое посредством сети Интернет» [36, с. 334], возрастают случаи оскорблений именно в этой сфере.

Например, оскорбительные комментарии к постам: «Страна должна знать своих «героев», что это мы в тихую можем шлюхаться, пусть видят, пусть помнят... если где-то там чешется ищи свободных мужчин, а то ишь че п... у ней требует перемен! Сочувствую твоему мужу, шлюшка местная! Разбила ни одну семью!» (здесь и далее - орфография и пунктуация автора соблюдены); оскорбительные комментарии к фотографиям: «Шлюха снова бухает»; «Шлюха бухает. Как обычно»; «Шлюха с петухом отдыхают»; «Проститутка»; «Чё на х... смотришь чтоб отс...ть?» и т.п. Примером может служить также публикация информации оскорбительного для определенного лица характера в пабликах типа «ПодслушаноУфа/Бирск/Нефтекамск и т.п.»; публичные комментарии по отношению к третьему лицу и т.п.

Одной из особенностей подобных речевых актов является то, что инвектор - чаще всего неустановленное лицо, которое подписывается псевдонимом типа «Иван Иванович» и т.п. При этом задача лингвиста – установить факт наличия речевого акта оскорбления, установление оскорбившего лица – юридическая прерогатива.

Таким образом, сфера реализации спорных текстов (официально-деловая, публицистическая, разговорная) накладывает свой отпечаток на тексты,

обусловленный особенностями данных разновидностей языка. Поэтому тексты, закрепленные за соответствующим стилем, имеют свою специфику (проявляющуюся во всех характеристиках РЖ), что также надо учитывать в ходе исследования.

1. Изучение имеющегося опыта по теме исследования позволило определить круг проблемных вопросов, связанных с лингвистической экспертизой по делам об оскорблении.

2. Само юридическое определение оскорбления как унижение чести и достоинства, выраженное в неприличной или иной противоречащей нормам морали и нравственности форме, ставит перед лингвистами решение определенных теоретических задач языкознания.

3. К лингвистическим проблемам, связанным с понятием оскорбления, относятся: определение понятия и границ инвективных единиц, определение понятия неприличной и иной противоречащей нормам нравственности и морали формы.

Границы инвективных единиц определяются в классификации, основанной на их соотношении с литературной/нелитературной разновидностью языка, с учетом выражения негативной оценки, эмоционально-экспрессивной окраски.

С учетом расширения понятия неприличной формы в юридическом плане, инвектива = неприличная и иная противоречащая нормам нравственности и морали форма. При этом неприличная форма = нелитературные бранные слова и фразеологизмы + литературные (принадлежащие периферийным пластам разговорной речи, граничащим с просторечием и жаргонами, грубопросторечные) бранные слова и фразеологизмы; иная противоречащая нормам нравственности и морали форма = литературная (связанная с выражением негативной оценки).

4. В ходе установления лингвистических признаков оскорбления наиболее эффективными методами являются методы теории речевых актов,

дискурсивного анализа, лексико-семантического и семантико-синтаксического анализа, компонентного анализа, лингво-стилистического анализа, функционально-стилистического анализа, концептуального анализа, грамматического анализа.

5. Вывод о том, что инвективные единицы, имеющие неприличную или иную противоречащую нормам нравственности и морали форму, можно сделать, только проанализировав ее употребление в определенном акте коммуникации (с позиций РЖ оскорбления, с использованием метода РА). При этом все характеристики анализируемой коммуникативной ситуации (участники конфликтной ситуации, форма передачи информации, контекст, особенности контакта, языковой код) должны соответствовать РЖ оскорбления.

6. В ходе анализа языкового кода РЖ оскорбления необходимо учитывать специфику того функционального стиля (официально-делового, публицистического, разговорного), в котором реализуется спорный текст.

7. Лингвистическое исследование спорных текстов должно базироваться на юридической квалификации правонарушения с учетом всех актуальных изменений в законодательстве.

Список литературы

1. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов / Под ред. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005. – 200 с.
2. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. - Барнаул: Изд-во Алтайского пед. ун-та, 2009. – 251 с.
3. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. – Ярославль, 2015. – 35 с.
4. Консультант Плюс // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

5. Кусов Г.В. Диагностика оскорбления: постановка научной проблемы в праве и лингвистике [Электронный дискурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/diagnostika-oskorbleniya-ostanovkanauchnoy-problemy-v-prave-i-lingvistike-1/viewer>
6. Саржина О.В. Оскорбление словом (инвектива) как агрессивный дискурс [Электронный дискурс]– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/oskorblenie-slovom-invektiva-kakagressivnyu-diskurs-1/viewer>
7. Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. - Ек-г, 2002. - 202 с.
8. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). - М.: Прогресс, Универс, 1994. - 272 с.
9. Гаджиев К.С. Политическая философия. – М.: Экономика, 1999. – 606 с.
10. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2002. - 284 с.
11. Иссерс О.С. «Посмотрите, на кого он похож!» (К вопросу о речевых тактиках дискредитации) [Электронный дискурс] // Вестник Омского университета. – 1997. - Вып. 3. - С. 81-84. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/issers-97.htm>
12. Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса [Электронный ресурс] // Единицы языка и их функционирование. Вып. 6. – Саратов, 2000. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/sheygal-00.htm>
13. Понятие чести, достоинства и деловой репутации: спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами / Под ред. А.К. Симонова и М.В. Горбаневского. – М.: Медия, 2014. – 328 с.
14. Карамова А.А. Современный политический дискурс (конец XX – начало XXI вв.): дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 2013. – 411 с.

15. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. – М.: МедиаМир, 2008 - 244 с.
16. Чернышова Т.В., Голощапова Е.В. Речевой жанр «оскорбление»: основания построения типологической модели (на материале судебных постановлений) // Университетская филология – образованию: регулятивная природа коммуникации. Ч. 1. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009.
17. Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988
18. Голев Н.Д. От редактора: Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы / Голев Н.Д. // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – С. 5-14.
19. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. - М.: Флинта; Наука, 2011. – 592 с.
20. Радбиль Т.Б., Юматов В.А. Возможности и перспективы применения теории речевых актов в лингвистической экспертизе // Вестник Нижегородского гос. ун-та им. Н. Н. Лобачевского. - 2013. - № 1 (1). - С. 286–290.
21. Чернышова Т.В. Методы анализа речевых актов: возможности и проблемы использования в лингвоэкспертной и судебной практике // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. – 2019. – Т.1. - №15.- С. 217-238.
22. Карамова А.А. Категория оценки в современном русском языке: учебное пособие. - Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 52 с.
23. Чернышова Т.В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: монография. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
24. Голощапова Е.В. Речевой жанр «оскорбление»: описание типологических признаков [Электронный дискурс] // Филология и человек. –

2014. - № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rechevoy-zhanr-oskorblenie-opisanietipologicheskikh-priznakov/viewer>

25. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. - М.: Наука, 1981. - 276 с.

26. Вежицка А. Речевые жанры [в свете теории элементарных смысловых единиц] / Вежицка А. // Антология речевых жанров. – М.: Лабиринт, 2007. – С.68-81.

27. Трошева Т.Б. Устная речь // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 567-569.

28. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. - М., 2011.

29. Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. - М., 1975.

30. Колтунова М.В. Язык и деловое общение. - М., 2003.

31. Чернышова Т.В. Современный медиатекст сквозь призму оценочности (на материале текстов, вовлеченных в сферу судебного разбирательства) // Журналистика и культура русской речи. - 2011. - №1. - С.68-85

32. Лебон Г. Психология народов и масс [Электронный ресурс]. - М.: Макет, 1995. – Режим доступа: <http://www.klex.ru/xt>

33. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР. Когнитивно-риторический анализ / Э. Лассан. – Вильнюс: Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995. - 232 с.

34. Михалёва О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия / О.Л. Михалёва. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. - 256 с.

35. Сиротинина О.Б. Разговорный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2006. – С. 319-321.

36. Чернышова Т.Б. Типологические черты конфликтного речевого взаимодействия в неофициальном публичном общении (на материале интернет-коммуникации) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. – 2015. – С. 334-339.